

Из сборника «ПОСВЯЩЕНИЯ»

ОДНОГО Я ПОЮ

Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
И все же Демократическое слово твержу, слово
«En Masse»¹.

Физиологию с головы и до пят я пою,
Не только лицо человеческое и не только рассудок
достойны Музы, но все Тело еще более достойно ее,
Женское наравне с Мужским я пою.

Жизнь, безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом для самых
свободных деяний,
Человека Новых Времен я пою.

1867

КОГДА Я РАЗМЫШЛЯЛ В ТИШИ

Когда я размышлял в тиши,
Обдумывая стихи, возвращаясь к ним снова и снова,
Предо мною вырос Призрак с недоверчивым взглядом,
Ужасающий красотой, долголетьем и мощью,
Дух поэтов древних царств;
Обратив ко мне пламенный взор,

¹ Все вместе, в массе (фр.).

Он указал на многие бессмертные песни
И грозно спросил: *«Что ты воспеваешь,
Разве ты не ведаешь, что у мировых поэтов есть
только одна тема?*
*И это тема Войны, военного счастья,
Воспитания настоящих солдат».*
*«Будь по-твоему, — я ответил, —
Я, надменная Тень, также пою войну, и куда более
долгую и великую, чем любая другая,
И я в моей книге связан с изменчивым счастьем,
с бегством,
наступлением и отступлением, с медлящей и неверной
победой
(Которая все же несомненна или почти несомненна),
всемирной битвой
За жизнь и смерть, за Тело и за вечную Душу,
Ты слышишь, я тоже пришел, распевая песню битвы,
И я первым делом славлю храбрых солдат».*
1871

НА КОРАБЛЯХ В ОКЕАНЕ

В океане на могучих кораблях
(Когда вокруг расстилается безграничная синь,
Ветры свистят и с гармоничным шумом вздымаются
волны — огромные, величественные)
Или на одинокой шхуне, легко плывущей
в темно-синем просторе, —
Когда, радостная, уверенная, распростерши белые
паруса,
Она рассекает эфир в свете искристого, пенистого дня
и под бесчисленными звездами ночи,
Моряки, молодые и старые, может быть, прочтут
и поймут мои стихи, напоминание о земле,
И полностью сроднятся с ними.

*«Вот наши мысли, мысли путников, — пусть скажут они
тогда, —
Не только землю, не одну лишь сушу мы ощущаем
здесь, —
Здесь небо раскинуло свод; смотри, под ногами
колеблется палуба,
Нам слышно постоянное биение бесконечного потока,
приливы его и отливы, —
Звуки невидимой тайны, неясные намеки широкого
соленого мира, текущие слоги,
Благоухание моря, легкий скрип снастей,
меланхолический ритм,
Безграничный простор, горизонт, далекий и туманный, —
все они здесь,
Это — поэма про океан».*

И поэтому, моя книга, не робей, выполняй, что тебе
предназначено, —
Ведь ты не только напоминание о земле,
Ты тоже одинокий парусник, рассекающий эфир,
бегущий к неизвестной цели, но всегда уверенный.
Отплывай же и ты вместе с плывущими кораблями!
Отнеси им всем мою любовь (родные моряки, я
вкладываю в каждый лист мою любовь к вам!),
Спеша, спеша, моя книга! Раскрой свои паруса, утлое
суденышко, над величественными волнами,
Плыви все дальше и пой; во все моря, через
безграничную синь, носи мою песню
Морякам и их кораблям.

1871

ЧИТАЯ КНИГУ

Читая книгу, биографию прославленную,
И это (говоря я) зовется у автора человеческой
жизнью?

Так, когда я умру, кто-нибудь и мою опишет жизнь?
(Будто кто по-настоящему знает что-нибудь о жизни
моей.

Нет, зачастую я думаю, я и сам ничего не знаю о своей
подлинной жизни,

Несколько слабых намеков, несколько сбивчивых,
разрозненных, еле заметных штрихов,

Которые я пытаюсь найти для себя самого, чтобы
вычертить здесь.)

1867

НЕКОЙ ПЕВИЦЕ

Вот возьми этот дар,

Я его сберегал для героя, для оратора, для полководца,

Для того, кто послужит благородному правому делу,

великой идее, всенародному счастью, свободе,

Для бесстрашного обличителя деспотов, для дерзкого
бунтаря;

Но я вижу, что мой издавна сберегаемый дар

принадлежит и тебе, как любому из них.

1860

Я НЕ ДОСТУПЕН ТРЕВОГАМ

Я не доступен тревогам, я в Природе невозмутимо
спокоен,

Я хозяин всего, я уверен в себе, я среди животных
и растений,

Я так же восприимчив, податлив, насыщен, молчалив,
как они,

Я понял, что и бедность моя, и мое ремесло, и слава,
и поступки мои, и злодейства не имеют той
важности, какую я им придавал,

Я в тех краях, что тянутся до Мексиканского моря,
или в Маннахатте¹, или в Теннесси, или далеко
на севере страны,
На реке ли живу я, живу ли в лесу, на ферме ли
в каком-нибудь штате,
Или на морском берегу, или у канадских озер,
Где бы ни шла моя жизнь, — о, быть бы мне всегда
в равновесии, готовым ко всяким случайностям,
Чтобы встретить лицом к лицу ночь, ураганы, голод,
насмешки, удары, несчастья,
Как встречают их деревья и животные.

1860

ГДЕ ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ?

Где осажденная крепость, бессильная отбросить врага?
Вот я посылаю туда командира, он проворен, он смел
и бессмертен,
С ним и пехота, и конница, и обозы орудий.
И артиллеристы беспощаднее всех, что когда-либо
палили из пушек.

1860

ПУСТЬ БЕЗМЯТЕЖЕН ТОТ, КОГО Я ПОЮ

Пусть безмятежен тот, кого я пою
(Тот, рожденный борением противоречий), я посвящаю
его Народу,
Я вселяю в него мятеж (о, тайное пламя и право бунта!
О, неугасимое, животворящее пламя!).

1871

¹ То есть Манхэттен — остров, давший название одному из районов Нью-Йорка.

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРЕЙ

Не закрывайте дверей предо мною, надменные
библиотеки,
Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало
на ваших тесно уставленных полках, то, что вам
нужнее всего,
Ибо и я, и моя книга выросли из войны;
Слова моей книги — ничто, ее стремление — все,
Одинокая книга, с другими не связанная,
ее не постигнешь рассудком,
Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется
на каждой странице.

1865

ТЕБЕ

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь
заговорить со мною, почему бы тебе не
заговорить со мною?
Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

1860

В ТЕБЕ, ЧИТАТЕЛЬ

В тебе, читатель, трепещет жизнь, гордость, любовь —
как и во мне,
Поэтому для тебя эти мои песни.

1881

ПЕСНЯ О СЕБЕ

1

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам.

Я, праздный бродяга, зову мою душу,
Я слоняюсь без всякого дела и, лениво нагнувшись,
разглядываю летнюю травинку.

Мой язык, каждый атом моей крови созданы
из этой почвы, из этого воздуха;
Рожденный здесь от родителей, рожденных здесь
от родителей, тоже рожденных здесь,
Я теперь, тридцати семи лет, в полном здоровье,
начинаю эту песню
И надеюсь не кончить до смерти.

Догматы и школы пускай подождут,
Пусть отступят немного назад, они хороши там,
где есть, мы не забудем и их,
Я принимаю природу такую, какова она есть,
я позволяю ей во всякое время, всегда
Говорить невозбранно с первобытной силой.

2

Пахнут духами дома и квартиры, на полках
так много духов,
Я и сам дышу их ароматом, я знаю его и люблю,
Этот раствор опьянил бы меня, но я не хочу
опьяняться.

Воздух не духи, его не изготовили химики,
он без запаха,
Я глотал бы его вечно, я влюблен в него,

Я пойду на лесистый берег, сброшу одежду и стану
голым,
Я схожу с ума от желания, чтобы воздух прикоснулся
ко мне.
Пар моего дыхания,
Эхо, всплески, жужжащие шепоты, любовный корень,
шелковинка, стволы-раскоряки, обвитые лозой,
Мои вдохи и выдохи, биение сердца, прохождение
крови и воздуха через мои легкие,
Запах свежей листвы и сухой листвы, запах морского
берега и темных морских утесов, запах сена
в амбаре,
Мой голос, извергающий слова, которые я бросаю
навстречу ветрам,
Легкие поцелуи, объятия, касания рук,
Игра света и тени в деревьях, когда колышутся гибкие
ветки,
Радость — оттого что я один, или оттого что я
в уличной сутолоке, или оттого что я брожу
по холмам и полям,
Ощущение здоровья, трели в полуденный час, та песня,
что поется во мне, когда, встав поутру, я встречаю
солнце.

Ты думал, что тысяча акров — это много? Ты думал,
что земля — это много?
Ты так долго учился читать?
Ты с гордостью думал, что тебе удалось добраться
до смысла poem?

Побудь этот день и эту ночь со мною, и у тебя будет
источник всех poem,
Все блага земли и солнца станут твоими (миллионы
солнц в запасе у нас),
Ты уже не будешь брать все явления мира из вторых
или третьих рук,

Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших
или питаться книжными призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты слушаешь и тех и других и профильтруешь все
через себя.

3

Я слышал, о чем говорили говоруны, их толки о начале
и конце,
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.

Никогда еще не было таких зачатий, как теперь,
Ни такой юности, ни такой старости, как теперь,
Никогда не будет таких совершенств, как теперь,
Ни такого рая, ни такого ада, как теперь.

Еще, и еще, и еще,
Это вечное стремление вселенной рождать и рождать,
Вечно плодородное движение мира.

Из мрака выходят двое, они так несхожи, но равны:
вечно материя, вечно рост, вечно пол,
Вечно ткань из различий и тождеств, вечно зарождение
жизни.

Незачем вдаваться в подробности, и ученые и неучи
чувствуют, что все это так.

Прочно, и твердо, и прямо, скованные мощными
скрепами,
Крепкие, как кони, пылкие, могучие, гордые,
Тут мы стоим с этой тайной вдвоем.
Благостна и безмятежна моя душа, благостно
и безмятежно все, что не моя душа.

У кого нет одного, у того нет другого, невидимое
утверждается видимым,
Покуда оно тоже не станет невидимым и не получит
утверждения в свой черед.

Гоняясь за лучшим, отделяя лучшее от худшего,
век досаждаёт веку, —
Я же знаю, что все вещи в ладу и согласии.
Покуда люди спорят, я молчу, иду купаться
и восхищаться собою.

Да здравствует каждый орган моего тела и каждый
орган любого человека, сильного и чистого!
Нет ни одного вершка постыдного, низменного,
ни одной доли вершка, ни одна доля вершка
да не будет менее мила, чем другая.

Я доволен — я смотрю, пляшу, смеюсь, пою;
Когда любовница ласкает меня, и спит рядом со мною
всю ночь, и уходит на рассвете украдкой,
И оставляет мне корзины, покрытые белой тканью,
полные до краёв, —
Разве я отвергну её дар, разве я стану укорять
мои глаза
За то, что, глянув на дорогу вослед моей милой,
Они сейчас же высчитывают до последнего цента
точную цену одного и точную цену двоих?

4

Странники и вопрошатели окружают меня,
Люди, которых встречаю, влияние на меня моей
юности, или двора, или города, в котором я живу,
или народа,
Новейшие открытия, изобретения, общества, старые
и новые писатели,

Мой обед, мое платье, мои близкие, взгляды,
комплименты, обязанности,
Подлинное или воображаемое равнодушие ко мне
мужчины или женщины, которых люблю,
Болезнь кого-нибудь из близких или моя болезнь,
проступки, или потеря денег, или нехватка денег,
или уныние, или восторг,
Битвы, ужасы братоубийственной войны, горячка
недостовверных известий, спазмы событий —
Все это приходит ко мне днем и ночью и уходит
от меня опять,
Но все это не Я.
Вдали от этой суеты и маеты стоит то, что есть Я,
Стоит, никогда не скучая, благодушное, участливое,
праздное, целостное.
Стоит и смотрит вниз, стоит прямо или опирается
согнутой в локте рукой на некую незримую опору,
Смотрит, наклонив голову набок, любопытствуя, что
будет дальше,
Оно и участвует в игре, и не участвует, следит за нею
и удивляется ей.
Я смотрю назад, на мои минувшие дни, когда я
пререкался в тумане с разными лингвистами
и спорщиками,
У меня нет ни насмешек, ни доводов, я наблюдаю и жду.

5

Я верю в тебя, моя душа, но другое мое Я не должно
перед тобой унижаться,
И ты не должна унижаться перед ним.
Поваляйся со мной на траве, вынь пробку у себя
из горла,
Ни слов, ни музыки, ни песен, ни лекций мне не надо,
даже самых лучших,

Убаюкай меня колыбельной, рокотом твоего
многозвучного голоса.
Я помню, как однажды мы лежали вдвоем в такое
прозрачное летнее утро,
Ты положила голову мне на бедро, и нежно
повернулась ко мне,
И распахнула рубаху у меня на груди, и вонзила язык
в мое голое сердце,
И дотянулась до моей бороды, и дотянулась до моих
ног.

Тотчас возникли и простерлись вокруг меня покой
и мудрость, которые выше нашего земного рассудка,
И я знаю, что божья рука есть обещание моей,
И я знаю, что божий дух есть брат моего,
И что все мужчины, когда бы они ни родились, тоже
мои братья, и женщины — мои сестры и любовницы,
И что основа всего сущего — любовь,
И что бесчисленны листья — и молодые и старые,
И бурые муравьи в своих маленьких шахтах под ними,
И мшистые лишай на плетне, и груды камней, и бузина,
и коровяк, и лаконоска.

6

Ребенок сказал: «*Что такое трава?*» — и принес мне
полные горсти травы.
Что мог я ответить ребенку? Я знаю не больше его,
что такое трава.
Может быть, это флаг моих чувств, сотканный
из зеленой материи — цвета надежды.

Или, может быть, это платочек от Бога,
Надушенный, нарочно брошенный нам на память,
в подарок,
Где-нибудь в уголке есть и метка, чтобы, увидя, мы
могли сказать чей?

Или, может быть, трава и сама есть ребенок,
взращенный младенец зелени.

А может быть, это иероглиф, вечно один и тот же,
И, может быть, он означает: «Произрастая везде,
где придется,
Среди чернокожих и белых людей,
И канука, и токахо¹, и конгрессмена, и негра
я принимаю одинаково, всем им даю одно».

А теперь она кажется мне прекрасными нестриженными
волосами могил.

Кудрявые травы, я буду ласково гладить вас,
Может быть, вы растете из груди каких-нибудь
юношей,

Может быть, если бы я знал их, я любил бы их,
Может быть, вы растете из старцев или из младенцев,
только что оторванных от материнского чрева,

Может быть, вы и есть материнское лоно.

Эта трава так темна, она не могла взрасти из седых
материнских голов,

Она темнее, чем бесцветные бороды старцев,

Она темна и не могла возникнуть из бледно-розовых
уст.

О, я вдруг увидал: это все языки, и эта трава говорит,
Значит не зря вырастает она из человеческих уст.

Я хотел бы передать ее невнятную речь об умерших
юношах и девушках,

А также о стариках, и старухах, и о младенцах, только
что оторванных от матерей.

Что, по-вашему, случилось со стариками и юношами?
И во что обратились теперь дети и женщины?

¹ *Канук* — канадец французского происхождения; *токахо* — прозвище жителей одного из районов штата Виргиния.

Они живы, и им хорошо,
И малейший росток есть свидетельство, что смерти
на деле нет,
А если она и была, она вела за собою жизнь, она
не подстерегает жизнь, чтобы ее прекратить.
Она гибнет сама, едва лишь появится жизнь.
Все идет вперед и вперед, ничто не погибает.
Умереть — это вовсе не то, что ты думал, но лучше.

7

Думал ли кто, что родиться на свет — это счастье?
Спешу сообщить ему или ей, что умереть — это
такое же счастье, и я это знаю.

Я умираю вместе с умирающими и рождаюсь вместе
с только что обмытым младенцем, я весь
не вмещаюсь между башмаками и шляпой.
Я гляжу на разные предметы: ни один не похож
на другой, каждый хорош.
Земля хороша, и звезды хороши, и все их спутники
хороши.

Я не Земля и не спутник Земли,
Я товарищ и собрат людей, таких же бессмертных
и бездонных, как я
(Они не знают, как они бессмертны, но я знаю).

Все существует для себя и своих, для меня мое,
мужское и женское,
Для меня те, что были мальчишками, и те, что любят
женщин,
Для меня самолюбивый мужчина, который знает,
как жалят обиды,
Для меня невеста и старая дева, для меня матери
и матери матерей,

Для меня губы, которые улыбались, глаза, проливавшие
слезы,
Для меня дети и те, что рожают детей.

Скиньте покровы! предо мною вы ни в чем не виновны,
для меня вы не отжившие и не отверженные,
Я вижу сквозь тонкое сукно и сквозь гингэм¹,
Я возле вас, упорный, жадный, неустомимый, вам от меня
не избавиться.

8

Младенец спит в колыбели,
Я поднимаю кисею, и долго гляжу на него, и тихо-тихо
отгоняю мух.

Юнец и румяная девушка свернули с дороги
и взбираются на покрытую кустарником гору,
Я зорко слежу за ними с вершины.

Самоубийца раскинулся в спальне на окровавленном
полу,
Я внимательно рассматриваю труп с обрызганными
кровью волосами и отмечаю, куда упал пистолет.
Грохот мостовой, колеса фургонов, шарканье
подметок, разговоры гуляющих,
Грузный омнибус, кучер, зазывающий к себе седоков,
цоканье копыт по булыжнику.
Сани, бубенчики, громкие шутки, снежки,
«Ура» любимцам толпы и ярость разгневанной черни,
Шелест занавесок на закрытых носилках — больного
несут в больницу,
Схватка врагов, внезапная ругань, драка, чье-то
падение,
Толпа взбудоражена, полицейский со звездой быстро
протискивается в середину толпы,

¹ Гингэм — клетчатый рисунок на хлопчатобумажной ткани.

Бесстрастные камни, что принимают и отдают такое
множество эха,
Какие стоны пресыщенных или умирающих с голоду,
упавших от солнечного удара или в припадке,
Какие вопли родильниц, застигнутых схватками,
торопящихся, домой, чтобы родить,
Какие слова жили здесь, и были похоронены здесь,
и вечно витают здесь, какие визги, укрощенные
приличием,
Аресты преступников, обиды, предложения продажной
любви, принятие их и отказ (презрительным
выгибом губ),
Я замечаю все это, отзвуки, отголоски и отсветы этого —
я прихожу и опять ухожу.

9

Настежь распахнуты ворота амбара,
Медленно въезжает фургон, тяжело нагруженный
сеном,
Яркий свет попеременно играет на зеленом и буром,
Новые охапки сена наваливают на примятый, осевший
стог.

Я там, я помогаю, я приехал, растянувшись на возу,
Я чувствовал легкие толчки, одну ногу я закинул
за другую,
Я ухватился за жерди и прыгаю с воза, я хватаю
timoфеевку и клевер,
Я кубарем скатываюсь вниз, и мне в волосы набивается
сено.

10

Далеко, в пустыни и горы, я ушел один на охоту,
Брожу, изумленный проворством своим и весельем,

К вечеру выбрал себе безопасное место для сна,
И развожу костер, и жарю свежеубитую дичь,
И засыпаю на ворохе листьев, а рядом со мною мой пес
и ружье.

Клипер несется на раздутых марселях, мечет искры
и брызги,

Мой взор не отрывается от берега, я, согнувшись,
сизу за рулем или с палубы лихо кричу.

Лодочники и собиратели моллюсков встали чуть свет
и ждут меня,

Я заправил штаны в голенища, пошел вместе с ними,
и мы провели время отлично;

Побывали бы вы с нами у котла, где варилась уха.

На Дальнем Западе видел я свадьбу зверолова,
невеста была краснокожая,

Ее отец со своими друзьями сидел в стороне, скрестив
ноги, молчаливо курая, и были у них на ногах
мокасины, и плотные широкие одеяла свисали с их
плеч.

Зверолов бродил по песчаному берегу, одетый
в звериные шкуры, его шею скрывали кудри
и пышная борода, он за руку держал свою невесту.

У нее ресницы были длинные, голова не покрыта,
и прямые жесткие волосы свисали
на ее сладострастное тело и достигали до пят.

Беглый раб забежал ко мне во двор и остановился
у самого дома,

Я услышал, как хворост закрипел у него под ногами,
В полуоткрытую кухонную дверь я увидел его,
обессиленного,

И вышел к нему, он сидел на бревне, я ввел его в дом
и успокоил его.

И принес воды, и наполнил лохань, чтобы он вымыл
вспотевшее тело и покрытые ранами ноги,
И дал ему комнату рядом с моею, и дал ему грубое
чистое платье;
И хорошо помню, как беспокойно водил он глазами
и как был смущен,
И помню, как я наклеивал пластыри на исцарапанную
шею и щиколотки;
Он жил у меня неделю, отдохнул и ушел на Север,
Я сажал его за стол рядом с собою, а кремневое ружье
мое было в углу.

11

Двадцать восемь молодых мужчин купаются у берега,
Двадцать восемь молодых мужчин, и все они так
дружны;
Двадцать восемь лет женской жизни, и все они так
одинок.

Отличный дом у нее на пригорке у самого моря,
Красивая, богато одетая, за ставней окна она прячется.

Кто из молодых мужчин ей по сердцу больше всего?
Ах, и самый нескладный из них кажется ей красавцем!

Куда же, куда вы, милая? ведь я вижу вас,
Вы плещетесь в воде вместе с ними, хоть стоите у окна
неподвижно.

И вот она прошла здесь по берегу, двадцать девятая,
смеясь и танцуя,
Те не видят ее, но она видит и любит.

Бороды у молодых мужчин блестели от воды, вода
стекала с их длинных волос,
Ручейки бежали у них по телам.

И так же бежала у них по телам рука-невидимка
И, дрожа, пробегает все ниже от висков и до ребер.

Молодые мужчины плывут на спине, и их животы
обращаются к солнцу, и ни один не спросит, кто
так крепко прижимается к нему,
И ни один не знает, кто это, задыхаясь, наклонился
над ним
И кого он окатывает брызгами.

12

Подручный мясника снимает одежду, в которой он
резал скот, или точит нож о базарную стойку,
Я замедляю шаги, мне по сердцу его бойкий язык,
мне нравится, как он пускается в пляс.

Кузнецы с закопченной волосатой грудью встали
вокруг наковальни,
У каждого в руках огромный молот, работа в разгаре,
жарко пылает огонь.

Я стою на покрытом золою пороге,
Гибкость их станов под стать их могучим рукам,
Вниз опускаются молоты, вниз так медленно, вниз
так уверенно,
Они не спешат, каждый бьет куда надо.

13

Негр крепкой рукою держит вожжи четверки коней,
камень, прикрученный цепью, качается у него
под повозкой,
Из каменоломни он едет, прямой и высокий, он стоит
на повозке, упершись ногой в передок,

Его синяя рубаха открывает широкую шею и грудь,
свободно спускаясь на бедра,
У него спокойный, повелительный взгляд,
он заламывает шляпу набекрень,
Солнце падает на его усы и курчавые волосы, падает
на его лоснящееся, черное, великолепное тело.

Я гляжу на этого картинного гиганта, я влюблен в него
и не могу удержаться на месте,
Я бегу с его четверкой наравне.
Во мне ласкатель жизни, бегущей куда бы то ни было,
несущейся вперед или назад.
Я заглядываю в каждую нишу и наклоняюсь
над мельчайшими тварями, не пропуская
ни предметов, ни людей.
Я впитываю все для себя и для этой песни.

Быки, когда вы громыхаете ярмом и цепями или стоите
под тенью листвы, что выражается в ваших глазах?
Мне кажется, больше, чем то, что за всю мою жизнь
мне довелось прочитать.

Проходя, я спугнул дикую утку и дикого селезня
во время моей далекой и долгой прогулки,
Обе птицы взлетают вместе и медленно кружат надо
мною.
Я верю в эти крылатые замыслы,
Я признаю красное, желтое, белое, что играет во мне,
По-моему, зеленое и лиловое тоже далеко неспроста,
и эта корона из перьев,
Я не зову черепаху негодной за то, что она черепаха,
И сойка в лесах никогда не учила гаммы, все же
трели ее звучат для меня хорошо,
И взгляд гневной кобылы выгоняет из меня всю мою
постыдную глупость.

Дикий гусь ведет свою стаю сквозь холодную ночь,
«Я — хонк!» — говорит он, и это звучит для меня как
призыв,

Пошляку это кажется вздором, но я, слушая чутко,
Понимаю, куда он зовет, там, в этом зимнем небе.

Северный острокопытный олень, кот на пороге, синица,
степная собака,

Дети хавроньи, похрюкивающей, когда они тянут
сосцы,

Индюшата и мать-индюшка с наполовину
раскрытыми крыльями —

В них и во мне один и тот же вечный закон.

Сто́ит мне прижать ногу к земле, оттуда так и хлынут
сотни Любвей,

Перед которыми так ничтожно все лучшее, что могу
я сказать.

Я влюблен в растущих на вольном ветру,

В людей, что живут среди скота, дышат океаном
или лесом,

В судостроителей, в кормчих, в тех, что владеют
топорами и молотами и умеют управлять лошадьми,

Я мог бы есть и спать с ними из недели в неделю
всю жизнь.

Что зауряднее, дешевле, ближе и доступнее всего —
это Я,

Я играю наверняка, я трачу себя для больших барышей,

Я украшаю себя, чтобы подарить себя первому,
кто захочет взять меня,

Я не прошу небеса опуститься, чтобы угодить моей
прихоти,

Я щедро раздаю мою любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «ПОСВЯЩЕНИЯ»

Одного я пою. <i>Перевод К. Чуковского</i>	5
Когда я размышлял в тиши. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	5
На кораблях в океане. <i>Перевод А. Старостина</i>	6
Читая книгу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	7
Некой певице. <i>Перевод К. Чуковского</i>	8
Я не доступен тревогам. <i>Перевод К. Чуковского</i>	8
Где осажденная крепость? <i>Перевод К. Чуковского</i>	9
Пусть безмятежен тот, кого я пою. <i>Перевод А. Сергеева</i> ..	9
Не закрывайте дверей. <i>Перевод К. Чуковского</i>	10
Тебе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	10
В тебе, читатель. <i>Перевод А. Сергеева</i>	10
Песня о себе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	11

Из сборника «ДЕТИ АДАМА»

Запружены реки мои. <i>Перевод К. Чуковского</i>	87
О теле электрическом я пою. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	89
Час безумству и счастью. <i>Перевод К. Чуковского</i>	98
Из бурлящего океана толпы. <i>Перевод К. Чуковского</i>	99
Мы двое, как долго мы были обмануты. <i>Перевод К. Чуковского</i>	100
Однажды, когда я проходил городом. <i>Перевод К. Чуковского</i>	101

Я слышал вас, торжественно-нежные трубы органа	
<i>Перевод К. Чуковского</i>	102
Когда я, как Адам. <i>Перевод К. Чуковского</i>	102

**Из сборника
«АИР БЛАГОВОННЫЙ»**

На дорогах нехоженных. <i>Перевод А. Сергеева</i>	103
О душистая луговина моей груди.	
<i>Перевод А. Сергеева</i>	104
Кто бы ты ни был, держащий меня в руках.	
<i>Перевод А. Сергеева</i>	106
Для тебя, Демократия. <i>Перевод К. Чуковского</i>	107
Страшное сомнение во всем. <i>Перевод К. Чуковского</i>	108
Суть всей метафизики. <i>Перевод А. Сергеева</i>	109
Летописцы будущих веков. <i>Перевод К. Чуковского</i>	110
Когда я услышал к концу дня. <i>Перевод К. Чуковского</i> ...	111
Я видел дуб в Луизиане. <i>Перевод К. Чуковского</i>	112
Незнакомому. <i>Перевод К. Чуковского</i>	112
В тоске и в раздумье. <i>Перевод К. Чуковского</i>	113
Мы — мальчишки. <i>Перевод К. Чуковского</i>	113
Приснился мне город. <i>Перевод К. Чуковского</i>	114
Если кого я люблю. <i>Перевод К. Чуковского</i>	114
Ты, за кем, бессловесный. <i>Перевод К. Чуковского</i>	115
Salut au Monde! <i>Перевод М. Зенкевича и Н. Банникова</i> ...	115
Песня большой дороги. <i>Перевод К. Чуковского</i>	127
На бруклинском перевозе. <i>Перевод В. Левики</i>	140
Песня Отвечателя. <i>Перевод А. Сергеева</i>	148
Наша старая листва. <i>Перевод А. Сергеева</i>	153
Песня радостей. <i>Перевод К. Чуковского</i>	159
Песня Секвойи. <i>Перевод А. Сергеева</i>	168
Песня разных профессий. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	173

Из сборника
«ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ»

Всемирная песня. <i>Перевод А. Сергеева</i>	182
Пионеры! о пионеры! <i>Перевод К. Чуковского</i>	185
Тебе. <i>Перевод К. Чуковского</i>	189
Год метеоров (1859–1860). <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	191
Вместе с предшественниками. <i>Перевод А. Сергеева</i>	193
Процессия на Бродвее. <i>Перевод А. Сергеева</i>	195

Из сборника
«МОРСКИЕ ТЕЧЕНИЯ»

Из колыбели, вечно баюкавшей. <i>Перевод В. Левика</i>	200
Слезы. <i>Перевод К. Чуковского</i>	208
Ночью на морском берегу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	208
Мир под морской водой. <i>Перевод К. Чуковского</i>	210
Ночью у моря один. <i>Перевод А. Сергеева</i>	211

Из сборника
«У ДОРОГИ»

Европа (72-й и 73-й годы этих Штатов). <i>Перевод К. Чуковского</i>	212
Ручное зеркало. <i>Перевод К. Чуковского</i>	214
Боги. <i>Перевод А. Сергеева</i>	215
Когда я слушал ученого-астронома. <i>Перевод К. Чуковского</i>	216
О я! О жизнь! <i>Перевод А. Сергеева</i>	216
Я сижу и смотрю. <i>Перевод В. Левика</i>	217
Щедрым даятелям. <i>Перевод К. Чуковского</i>	217
Любовная ласка орлов. <i>Перевод К. Чуковского</i>	218
Деревенская картина. <i>Перевод К. Чуковского</i>	218
Изумление ребенка. <i>Перевод К. Чуковского</i>	219

Красивые женщины. Перевод К. Чуковского	219
Мать и дитя. Перевод А. Сергеева	219
Под маской. Перевод Н. Стрижевской	219
Не было ли в твоей жизни часа. Перевод Н. Булгаковой	220

Из сборника «БАРАБАНЫЙ БОЙ»

О песни, сперва, для начала. Перевод Б. Слуцкого	221
Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби! Перевод К. Чуковского	224
Песня знамени на утренней заре. Перевод К. Чуковского	225
Поднимайтесь, о дни, из бездонных глубин Перевод Б. Слуцкого	232
Город кораблей. Перевод А. Сергеева	235
Как штурман. Перевод К. Чуковского	236
Врачеватель ран. Перевод М. Зенкевича	236
Долго, слишком долго, Америка. Перевод А. Сергеева ..	239
Не молодость подобает мне. Перевод А. Сергеева	240
Ты, загорелый мальчишка из прерий. Перевод К. Чуковского	240
Одному штатскому. Перевод К. Чуковского	241

Из сборника «ПАМЯТИ ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА»

Когда во дворе перед домом цвела этой весною сирень Перевод К. Чуковского	242
О Капитан, мой Капитан! Перевод Г. Кружкова	252
Сегодня пусть воцарится тишина в лагерях Перевод И. Куберского	253
На берегу голубого Онтарио Перевод А. Кистяковского	254
Перестановка. Перевод О. Волгиной	272

Из сборника
«ОСЕННИЕ РУЧЬИ»

Как следствие и т. д. <i>Перевод С. Таска</i>	273
Старая Ирландия. <i>Перевод А. Сергеева</i>	274
Городская мертвецкая. <i>Перевод К. Чуковского</i>	275
Этот перегонной. <i>Перевод К. Чуковского</i>	276
Европейскому революционеру, который потерпел поражение. <i>Перевод К. Чуковского</i>	278
Безымянные страны. <i>Перевод А. Сергеева</i>	280
Песня о благоразумии. <i>Перевод А. Сергеева</i>	282
Музыкальность. <i>Перевод К. Чуковского</i>	285
Вы, преступники, судимые в судах. <i>Перевод К. Чуковского</i>	287
Законы творения. <i>Перевод А. Сергеева</i>	287
Уличной проститутке. <i>Перевод К. Чуковского</i>	288
Мысль («Я думал о тех...»). <i>Перевод И. Куберского</i>	289
Что же я такое, в конце концов. <i>Перевод В. Лунина</i>	289
Кто усвоит мои уроки сполна? <i>Перевод А. Сергеева</i>	289
Странствуя утром. <i>Перевод А. Старостина</i>	291
Гордая музыка бури. <i>Перевод В. Левика</i>	292
Спящие. <i>Перевод О. Чухонцева</i>	300

Из сборника
«ШЕПОТ БОЖЕСТВЕННОЙ СМЕРТИ»

О отважнейшая душа моя. <i>Перевод В. Лунина</i>	312
Шепот божественной смерти. <i>Перевод В. Левика</i>	313
Его я люблю днем и ночью. <i>Перевод В. Лунина</i>	313
Если бы дух ласкал меня. <i>Перевод В. Лунина</i>	314
Годы — зыбучий песок. <i>Перевод В. Британишского</i>	315
Тихий паук. <i>Перевод В. Куприянова</i>	315
Тому, кто скоро умрет. <i>Перевод К. Чуковского</i>	316
Ночь над прерией. <i>Перевод А. Сергеева</i>	316
О Матерь, и твои, о Матерь, чада. <i>Перевод В. Топорова</i> ..	318

Из сборника
«ОТ ПОЛУДНЯ ДО ЗВЕЗДНОЙ НОЧИ»

Ослепительный шар над миром. <i>Перевод В. Топорова</i> ..	327
Лики. <i>Перевод Э. Шустера</i>	328
Таинственный трубач. <i>Перевод В. Левика</i>	333
Песня загадки. <i>Перевод А. Сергеева</i>	337
Испания, 1873–1874. <i>Перевод К. Чуковского</i>	339
Ясная полночь. <i>Перевод А. Старостина</i>	340

Из сборника
«ПЕСНИ РАССТАВАНИЙ»

Все ближе время. <i>Перевод В. Британишского</i>	341
Прах солдат. <i>Перевод А. Сергеева</i>	341
Мое завещание. <i>Перевод К. Чуковского</i>	343
Зеленые палатки. <i>Перевод А. Сергеева</i>	344
Плач колоколов. <i>Перевод И. Куберского</i>	345
Радуйся, спутник, радуйся! <i>Перевод И. Куберского</i>	346
Эти песни. <i>Перевод И. Куберского</i>	346
До свиданья! <i>Перевод Э. Шустера</i>	346

Из сборника
«ДНИ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Тем, кто потерпел поражение. <i>Перевод А. Старостина</i>	351
Дряхлый, больной, я сижу и пишу. <i>Перевод К. Чуковского</i>	351
Первый одуванчик. <i>Перевод К. Чуковского</i>	352
Когда кончается ослепительность дня. <i>Перевод К. Чуковского</i>	352
Зарисовки на Нейвсинке. <i>Перевод А. Сергеева</i>	352
Бродвей. <i>Перевод И. Куберского</i>	356
Стариковское спасибо. <i>Перевод К. Чуковского</i>	357

Жизнь и смерть. <i>Перевод Э. Шустера</i>	358
Голос дождя. <i>Перевод Э. Шустера</i>	358
Лучшие уроки. <i>Перевод К. Чуковского</i>	358
Сияющие горные вершины старости. <i>Перевод В. Топорова</i>	359
После ужина и беседы. <i>Перевод Н. Банникова</i>	359

Из сборника
«ПРОЩАЙ, МОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ!»

Прощай, мое Вдохновенье. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	361
Много, много времени спустя. <i>Перевод А. Старостина</i> ..	361
К ветру на заходе солнца. <i>Перевод Н. Булгаковой</i>	362
Осцеола. <i>Перевод К. Чуковского</i>	363
Голос Смерти. <i>Перевод В. Куприянова</i>	364
Смысл «Листьев травы». <i>Перевод А. Сергеева</i>	366
Невысказанное. <i>Перевод О. Волгиной</i>	367
Прощай, мое Вдохновенье! <i>Перевод Н. Банникова</i>	367

Из стихотворений, не включенных
в последнее прижизненное издание
«Листьев травы»

Отвечайте! <i>Перевод К. Чуковского</i>	369
---	-----